

Глава 12. Войти вошел, а живым не выйдет

Задуманное продвигалось на удивление гладко. Юань Чэ атаковал яростно и безрассудно, а Ли-ван, хоть и пытался сдержать его, не мог совладать с неистовством Императора варваров. Чтобы уберечь мирных жителей от бесчинств армии Гуйжун, Ли-вану не оставалось ничего другого, кроме как в тот же день отправить Шэнь Чжияю в Императорскую тюрьму.

Канцлер прислонился спиной к сочащейся влагой стене. Вглядываясь в полумрак знакомой камеры, он чувствовал лишь глухое омерзение. Одиноким луч света пробивался сквозь узкую отдушину под самым потолком, едва разгоняя густую тьму, в которой сиротливо оплывали редкие свечи.

В прошлый раз он оказался здесь всего два месяца назад.

Организм содрогнулся от подспудного отвращения к затхлому воздуху Императорской тюрьмы. Пожалуй, он переоценил собственную стойкость.

В тюремном коридоре раздался торопливый, глухой перестук шагов. Не успел узник обернуться, как тяжелые засовы скрежещуще поддались, и дверь с лязгом распахнулась.

У ворот столицы Юань Чэ во всеуслышание величал его не иначе как государственным изменником, прилюдно уличив в цареубийстве, а затем потребовал, чтобы пленника взяла под стражу армия Гуйжун.

Лишь один человек во всей варварской армии мог распоряжаться здесь с подобным бесцеремонным властолюбием.

Юань Чэ переступил порог в сопровождении военного лекаря-гуйжунца. Шэнь Чжияю узнал этого человека: полмесяца назад, когда император на руках тащил его в Резиденцию канцлера, этот лекарь неотступно следовал за ними.

— Не дергайся, — бросил Юань Чэ, вперив в него хмурый, недовольный взгляд.

Сырость и зловоние казематов претили и самому правителю.

— Чжото, заходи.

Рана на бедре канцлера была узкой, но глубокой. С самого инцидента у городских ворот у него не выдалось ни минуты, чтобы обработать порез, — он лишь наспех перетянул ногу обрывком ткани, чтобы остановить кровотечение.

Чжото поставил лекарский сундучок, достал ножницы и прокалил их над пламенем свечи. Но

едва он замахнулся, чтобы разрезать пропитавшийся кровью лоскут, Шэнь Чжияй перехватил его запястье.

— Не трогай рану.

При этих словах Юань Чэ вспыхнул, как сухая солома.

— Не трогать?! Да если сейчас ничего не сделать, ты без ноги останешься! Неужели нельзя было просто уклониться?!

— Я велел тебе стрелять из лука, а ты полез с клинком, — без тени почтения огрызнулся в ответ Шэнь Чжияй. — Ваше Величество, вы бы еще громче заявили, что мы заодно. Боялись нанести мне настоящий вред?

Юань Чэ лишь злорадно усмехнулся.

— Я боялся, что от одной стрелы твоя хрупкая душа и вовсе отлетит в мир иной, господин канцлер.

— Обработывай! — приказал император.

— Не смей! — отрезал Шэнь Чжияй.

Лекарь Чжото растерянно переводил взгляд с одного на другого. Ни один не желал уступать. Сделав шаг назад, он почтительно склонил голову.

— Ваше Величество, у меня есть решение. Мы можем залечить саму плоть, не трогая внешний вид раны. Я засыплю глубокий порез особым порошком: он снимет воспаление и предотвратит заражение крови, но края раны стягиваться не будут. Со стороны она по-прежнему будет казаться ужасной и запущенной.

В этот раз Юань Чэ не позволил ему вставить ни слова. Шагнув за спину пленника, он крепко прижал его плечо одной рукой, а второй намертво перехватил тонкие запястья.

— Делай как сказал! — скомандовал он Чжото.

Подол халата взлетел вверх, обнажая бедро. Когда остывшие после огня стальные ножницы коснулись воспаленной кожи, Шэнь Чжияй невольно вздрогнул от ледяного прикосновения.

Почувствовав эту дрожь, Юань Чэ придвинул поближе тяжелый бронзовый подсвечник, делясь теплом огня, и сел плотнее, позволяя канцлеру полностью опереться спиной о свою широкую

грудь.

Ткань разошлась под лезвиями, обнажая рваные края. Клинки воинов Гуйжун ковались с кровотоками и зазубринами, поэтому на бледной, чистой коже след от оружия выглядел особенно жутко. По краям кровь уже успела запечься, но в самой глубине раны при малейшем движении вновь проступала темная влага.

На лбу Чжото выступила крупная испарина, но пальцы его не дрогнули, когда он потянулся к склянке с лекарством.

— Господин канцлер, это зелье жжется немилосердно. Потерпите.

— Заканчивай быстрее, — процедил сквозь зубы Шэнь Чжуй.

Боль оказалась поистине адской. Стоило порошку коснуться обнаженного мяса, как по ноге побежал лютый, разъедающий огонь, словно тысячи ядовитых насекомых принялись разом вгрызаться в кость. Шэнь Чжуй мгновенно одеревенел от судороги. Юань Чэ порывисто приоткрыл рот, собираясь сказать что-то ободряющее, но вовремя осекся — слова застряли в горле. Ему оставалось лишь крепче сжать объятия, удерживая содрогающееся тело.

Когда с повязкой было покончено, все трое были насквозь мокрыми от холодного пота.

У дверей камеры вырос гвардеец-гуйжунец.

— Ваше Величество, снаружи человек по имени Чжао Ко. Требуется свидания с канцлером, якобы принес целебную мазь.

— Гони его в шею! — рявкнул Юань Чэ, даже не обернувшись.

— погоди, — выдохнул Шэнь Чжуй, со слабой силой удержав его за рукав. — Впусти его.

Юань Чэ недовольно прищурился.

— Это мой узник. С каких пор мелкая сошка смеет диктовать условия? Он ни во что не ставит мою власть!

— В этом-то и вся прелесть, — Шэнь Чжуй с трудом выпрямился, бледными пальцами разглаживая складки на своей одежде. Голос его звучал тихо, но в нем отчетливо сквозила холодная ясность ума. — Чжао Ко пришел от Ли-вана. Это жест высочайшей милости и заботы князя-вассала о верном слуге. Если бы они не предприняли эту попытку, народ решил бы, что Ли-ван предал меня из трусости перед варварами, а не принес в жертву ради высшего блага. К тому же, скромный чиновник-секретарь не может замышлять заговор у всех на виду. Сама

судьба велит тебе разрешить эту встречу — и послушать, к чему они клонят. Разве нет?

Юань Чэ покачал головой, дивясь его неиссякаемой изворотливости.

— Господин канцлер, кажется, просчитал каждый шаг этой партии.

— Вы льстите мне, — равнодушно отозвался Шэнь Чжюй. — Это всего лишь мои обязанности.

Одарив его свирепым взглядом, Юань Чэ махнул рукой Чжото. Они бесшумно вышли из камеры и укрылись в тени коридора — там, где их не было видно, но каждое слово доносилось отчетливо.

Чжао Ко ввели в подземелье.

Повсюду стояли суровые воины Гуйжун, а прямо у решетки застыли двое часовых с обнаженными клинками. В таких условиях говорить открыто было безумием, но искушенные в интригах чиновники умели изъясняться намеками.

Гость бросил беглый взгляд на изнуренного, окровавленного Шэнь Чжюя. Поставив на деревянный стол глиняный флакон с мазью, он церемонно сложил руки в приветствии.

— Господин канцлер принес себя в жертву ради усмирения императорского гнева. Весь люд царства Ли склоняется пред вашим благородством и молится за ваше здоровье. Не извольте беспокоиться: разногласия между вами и Его Величеством — лишь досадное недоразумение. Ли-ван приложит все силы, дабы вызволить вас из застенков. Надеемся, вскоре вы позабудете старые обиды.

Шэнь Чжюй без труда разгадал скрытый смысл этих велеречивых фраз.

«Чужак на троне Великой Чу — кость в горле у каждого честного мужа, — мысленно перевел он слова визитера. — Твое заточение стало той искрой, что разожгла пожар народного недовольства. Ли-ван вовремя возглавил это движение, чтобы прибрать к рукам бразды правления. Наша ловушка захлопнулась».

Хотя восхождение Юань Чэ на престол вызвало волну глухого ропота среди знати, открыто бунтовать никто не решался по двум весомым причинам.

Во-первых, варвар обладал неоспоримыми заслугами перед государством: именно он железной рукой подавил мятеж Жёлтых повязок и вернул искусанную усами страну на путь порядка.

Во-вторых, при всей своей свирепости и деспотизме, суровый чужеземец никогда не проливал

кровь мирных крестьян и горожан.

Война армий — это привычный удел владык, игра за престол, не задевающая простых смертных. Но Шэнь Чжиюй изначально советовал Ли-вану сыграть тоньше: уступить малое ради великого. Прямое столкновение войск царства Ли с конницей Гуйжун привело бы лишь к кровавой бойне и разорению земель. Куда разумнее было временно подчиниться Юань Чэ, завалить его уступками и данью — настолько непомерными, что они подорвали бы само существование простого люда и взбунтовали страну.

Когда чаша терпения переполнится, на борьбу с захватчиками поднимется не только регулярное войско Ли, но и бесчисленное крестьянское ополчение.

Даже могучий слон пасует перед тучей саранчи. Разъяренная чернь куда страшнее обученных полков.

Пройдет совсем немного времени, и шатающийся трон под узурпатором рухнет.

Канцлер снисходительно улыбнулся.

— Мои счета с Его Величеством слишком запутаны, чтобы решить их одним миром. К тому же повелитель не солгал у ворот: и цареубийство, и укрывательство приспешников прежней династии — дело моих рук.

Чжао Ко прищурился, оценив тонкую игру собеседника.

«А этот юнец чертовски умен, — подумал он».

Слова Шэнь Чжиюя означали одно: не спешите праздновать победу, пламя нужно раздуть еще сильнее.

— Вы достигли вершины власти в столь юные лета и по праву считаетесь опорой государства, — негромко произнес Чжао Ко. — Берегите себя, господин канцлер. Излишний риск сейчас ни к чему.

Это был скрытый призыв: не совершай глупостей вне нашего уговора.

— Я ценю вашу заботу, Чжао Ко, — холодно отозвался Шэнь Чжиюй. — Но долг чиновника — служить народу, а не печься о собственной шкуре. Не стоит пререкаться. В этих сырых стенах воздух тяжел, да и гнев государя пока лишь дремлет. Не будем испытывать его терпение.

Подтекст сквозил отчетливо: «Я сам знаю, что делать, избавь меня от своих поучений и убирайся».

Осадив наглого советника, Шэнь Чжияй тут же смягчил тон, добавив с едва заметной, изящной издевкой:

— Но не тревожьтесь. Когда судьба отвернулась от меня, именно царство Ли протянуло руку помощи. Подобное великодушие я не забуду до гробовой доски.

Чжао Ко уловил скрытую в этих словах иронию, и внутри у него все перевернулось от глухой злобы.

В душе его ревность боролась с невольным восхищением. Чжао Ко давно разменял пятый десяток. Половину жизни он положил на то, чтобы выбиться из нищеты и занять место подле Ли-вана в качестве главного стратега. Всю дорогу его окружали серости, благоговевшие перед его умом и проницательностью.

Но стоило появиться этому варвару, как Ли-ван перестал доверять своему верному советнику. Вместо этого князь отправил его за тридевять земель пресмыкаться перед Шэнь Чжияем под предлогом хитрой стратеми «тигр и дракон дерутся, а охотник ждет».

Все дело в происхождении! Эти изнеженные столичные аристократы в глазах господ всегда будут чище и благороднее тех, кто вырос на крестьянской пашне и пробивал дорогу собственным лбом.

За время их недолгих встреч Чжао Ко успел оценить хватку молодого канцлера, но по-прежнему считал, что в нем нет ничего сверхъестественного. Все его глубокие познания — лишь следствие связей и доступа к тайнам двора. Отними у него бывшее величие, и останется обычный, хрупкий юнец.

«Великий канцлер... Неужели ты всерьез думаешь, будто держишь все нити в своих руках? Что ж, давай померимся силами».

Подавив kloкочущую обиду, Чжао Ко низко склонился, пряча завистливый блеск в глазах.

— Слушаюсь. Я слово в слово передам ваши речи Ли-вану.

Едва за чиновником закрылась дверь, как из тени коридора стремительно вышел Юань Чэ. За ним, едва поспевая, семенил испуганный лекарь.

Император молчал, но лицо его потемнело от ярости. Не говоря ни слова, он подошел к столу, схватил оставленный гостем флакон, мазнул по нему быстрым взглядом и с силой швырнул под ноги.

По застенкам прокатился оглушительный звон разбитого фарфора. Мелкие осколки брызнули во все стороны, зашуршав по грязной соломе.

Стражники-гуйжунцы как один опустились на правое колено, боясь поднять глаза на разгневанного владыку.

Шэнь Чжиюй утомленно прикрыл глаза.

— И какая муха тебя укусила на этот раз?

Юань Чэ перевел взгляд на темный проход, куда ушел Чжао Ко. Его пальцы сжались в кулак с отчетливым, зловещим хрустом. Кивком головы он указал лекарю на рассыпавшийся порошок.

Чжото торопливо опустился на колени у кучи черепков, осторожно собрал щепоть серой пудры кончиками пальцев и поднес к носу.

— Ваше Величество... — голос лекаря задрожал. — Это снадобье действительно затягивает раны, но в него подмешан редкий яд. Он вступает в противодействие с теми снадобьями, которыми мы поддерживаем силы господина канцлера. Теперь понятно, почему его здоровье так долго не приходит в норму. Ли-ван планомерно травил его.

Шэнь Чжиюй лишь усмехнулся. Он давно догадывался о методах своего «спасителя».

— Стоило ли устраивать сцену из-за такой малости? Чтобы Ли-ван доверял мне, ему нужны были гарантии. Этот яд действует медленно, от него не умирают...

Договорить ему не дали. На голову канцлера грубо нахлобучили бамбуковую шляпу с густой белой вуалью, полностью скрыв его лицо от посторонних глаз. В следующее мгновение сильные руки подхватили его под колени и спину, легко оторвав от земли.

Гвардейцы бесшумно расступились, освобождая дорогу своему повелителю.

— Пусти! — вполголоса процедил Шэнь Чжиюй, тщетно пытаясь высвободиться. — Если ты уведешь меня сейчас, Ли-ван тут же поймет, что камера пуста!

Сквозь тонкую шелковую кисею вуали он видел лишь очертания упрямого подбородка Юань Чэ и пряди растрепанных волос, падавшие на лоб. На мгновение воцарилась гнетущая тишина. Казалось, император колеблется под весом доводов разума, но его ответ прозвучал хлестко и беспощадно:

— Ну и пусть понимает. Войти в эту столицу он сумел, а вот выберется ли живым — решу я.

— Очередной приступ безумия, — выдохнул канцлер, устав бороться со стальной хваткой. — Неужели нельзя обойтись без этого ребячества?

— Шэнь Чжиюй, слушай меня внимательно, — Юань Чэ остановился и заставил пленника взглянуть себе прямо в глаза сквозь полупрозрачную ткань. Голос его вибрировал от сдерживаемой ярости. — Я готов играть в эти кошки-мышки с твоим Ли-ваном. Но лишь до тех пор, пока эта тварь не тянет свои грязные руки к тому, что принадлежит мне. Переступит черту — и я просто опрокину доску. И тогда гореть будет всё. Не зли меня.

<http://bllate.org/book/20512/2131264>